

УДК 398.2:316(045)

*С.В. Козловский***ОТРАЖЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
В БЫЛИНЕ «О ДОБРЫНЕ И МАРИНКЕ»**

В статье представлена интерпретация сюжета «О Добрыне и Маринке», рассматривается проблема хронологии былинных сюжетов, анализируются характерные черты эпического мировосприятия. За основу исследования взят подход, позволяющий совместить летописную и былинную социальную практику. Былина рассматривается не как сказка о колдовстве, а как детективный рассказ, который получил былинное оформление, но с явными следами средневековой социальной практики, аналогичными сохранившимся в отражении письменных источников. Былина о Добрыне и Маринке рассматривается с историко-правовой точки зрения, что позволяет, опираясь на характерные кратковременные особенности древнерусской юридической практики, определить время создания былины с точностью до десятилетий (рубеж X-XI вв.)

Ключевые слова: былины, интерпретация, социальная практика, историзм.

Сюжет о Добрыне и Маринке известен приблизительно в 70 вариантах [28. С. 390] и исследовался неоднократно до революции и в советское время. Наиболее подробно эта былина рассмотрена В. Г. Смолицким и Ю. И. Смирновым [28. С. 390-394]. Добавить что-либо к приведенной ими историографии довольно сложно, поскольку ни новых подходов, ни оригинальных статей по этому вопросу не появилось.

Современные представления об этом сюжете эклектичны [20] и неоднозначны [26]. В достаточной мере исследованы лишь варианты сюжета [29. С. 141-144]. Анализ былины, в основном культурологический, настолько расходится с текстом, что иное использование его, кроме как в виде философской притчи, становится невозможным, причем смысл этой притчи каждый исследователь понимает по-своему. Выходом из тупика стало изучение отдельных элементов сюжета. В этой связи отметим работы Г. М. Казакова и Н. В. Петрова о функциях перебранки [23. С. 91-92], М. В. Жуйковой – о любовной магии [25. С. 286-312], В. В. Долгова – о сексуальности [22. С. 124-128], А. Б. Григорьевой – о свадебной поэзии [21. С. 46-53].

Представленный сюжет неудобен для определения исторической принадлежности, но следы социальной практики, намеки и иносказания сохранились; отдельные моменты раскрываются «открытым текстом», что позволяет отчасти восстановить смысл и историческую подоплеку. Былины имеют функциональное, зависимое от социальной практики содержание, которое считается «сказочным» в силу неадекватного эпохе, современного восприятия. Описываемые обстоятельства часто не были понятны даже сказителю, что серьезно влияло на текст.

Например, Добрыня часто называется «приворотником», и исследователи полагают, что это понижение его статуса, призванное придать сюжету «комический эффект»: «Если учесть, что стольниками и чашниками были боярские и дворянские дети, а приворотниками посадский люд, то получается, что Добрыня не поднимался, а опускался по служебной лестнице. Возникает особый комический эффект, подчеркивающий незначительность такой службы» [28. С. 392].

Может быть, так и есть, но, скорее всего, термин «приворотник» стал поздней заменой первоначального понятия. Его появление связано с тем, что ранний термин в социальной практике уже не употреблялся, а его значение стало забываться. В частности, в нескольких былинах Добрыня назван «ключником»:

«А еще-то три годочка да он ключником был,
Да он ключником был, приворотником слыл» [5. С. 33].

Иными словами, «приворотником» в былинах он стал потому, что у него был ключ (которым что-то нужно было открывать). Впрочем, выражение «приворотником слыл», по аналогии с «заугольником», могло быть связано и с тем, что его подозревали в не совсем законном происхождении:

«А не оцѣѣв как сын да ты не материн –
А ишке нет у тя оца да настоящего!» [15. С. 203-212].

То есть карьера Добрыни была более чем удачной – *стольник, чашиник, ключник*. Напрашивается следующая стадия карьеры – *тиун*. Но русский эпос, построенный на эзоповом языке и подразумевающих фактах социальной практики, не допускает однозначного толкования.

Поскольку каждый вариант былины представляет собой интервью, для анализа используется не один вариант, а эпический комплекс в целом. Какой-то один («правильный» или «лучше сохранившийся») текст былины невозможно выделить, его можно лишь реконструировать.

Все элементы сюжета можно разделить на общие, встречающиеся во всех вариантах: гуляние по Киеву, стрельба из лука по голубям, повреждение домашней утвари или убийство по неосторожности, превращение в тура, заступничество родственницы по кресту, наказание Маринки. И – частные, раскрывающие замысел сказителя относительно представленных типических мест (добавление деталей, указывающих на функциональность действий героя: обучение, «хулиганство», встреча с Ильей). Игнорировать даже редкие элементы сюжета невозможно: каждый из них может быть недостающим осколком «разбитой чашки».

В историческом отношении былина «О Добрыне и Маринке» представляет собой детективный рассказ и отображает судебную практику домонгольской Руси. На это указывает характеристика Маринки от лица былинных персонажей: «Мы сидели на пиру с твоим батюшкой, / Говорили речь про Маришкин двор. / Верятница (вредительством занималась), клеветница, шельма-ябедница!» [28. С. 167]. Судя по терминам, речь идет о разновидности мошенничества («шельма»), о «поклепе» (клеветница), взимании виры («верятница»), сутяжничестве и доносах («ябедница»).

В сюжете встречаются не только типические места предостережения князем от поездки, но и прямой запрет матери ехать к Маринке (он выглядит как перенесение из былины о Добрыне и Змее). Вопреки традиции, сюжет о Добрыне и Маринке начинается не с типического места почестного пира, а с описания эпизода службы и карьерного роста богатыря у князя Владимира:

По три годы Добрынюшка стольничал,
По три годы Добрыня приворотничал,
По три годы Добрынюшка чашничал,
На десятое лето конем стал владать [4. С. 198].

Он не просто богатырь, он доверенное лицо князя, его «чашиник». В сюжете он действует грубо, что не соответствует его былинному образу. Определяющее качество Добрыни – «вежество», знание этикета.

Действия Добрыни выглядят как выполнение княжеского поручения: «Был-жил Добрыня Микитиц у стольне-киевского князя Владимира. Задумал улицу вычищать у Маринки злой безбожницы. – «Поеду», говорит, «солнышко Владимир-князь, очищу у Маринки улицу». Князь Владимир его не пускал: «Много было молодцев, какой поедет по ейной улице, ворозя ему нет». Он говорит: «Повертыват турами гнедыми» [28. С. 165]. Тем не менее, это задача, поставленная князем:

А как дал ноньце ле князь благословеньицо,
А как дал-де-ка ле тугой лук со стрелкою [14. № 23].

Замысел Добрыни был направлен на решение конкретной проблемы – устранение Маринки как «злой безбожницы», но его действия завуалированы под сватовство:

«Я приехал к тебе, Марина, свататься;
Ты походишь ли за меня за муж?...» [1. С. 45].

Добрыня (как бы «случайно» - посвататься можно к незамужней женщине) убил соперника, «милого друга» Марины при сватовстве – стрельба из лука была нужна, чтобы посвататься, что прямо указывается в сюжете:

«– Ты пошто, Добрыня, сам на сам не сватаешься,
Посылаешь ко мне свата калину стрелу?» [6. С. 47].

Убийство «Змея» (милого друга), материальный ущерб [13. С. 53] стали для Маринки законным поводом к мести. С точки зрения христианина, Маринка не была замужем, с точки зрения язычника – была, в сюжете описывается обряд (языческого) венчания «вокруг ракитова куста». Последствия смерти язычника для жены (при отсутствии детей) фатальны: ее должны сжечь вместе с мужем. Она

обязана отомстить, но в ее интересах выйти замуж, иначе – погребальный костер, либо участь бесправной вдовы, что немногим лучше.

Былина показывает ее действия как «колдовство»: она разожгла огонь в сердце Добрыни, бросив его следы в огонь. Но зачем было его разжигать, если он сам сватался?

Согласно Кормчей книге, немедленное замужество вдовы запрещалось: «Аще сетует или не сетует жена по муже своем, возбранена есть во время сетования ити за ин муж» [2. С. 955].

Однако в былинном сюжете описывается не колдовство, призванное «присушить» Добрыню к Маринке, а разновидность «гонения следа», судебной процедуры доказывания вины и установления участия в преступлении, известной по Русской Правде. В былинае видны следы судебного разбирательства, свода, обвинение в убийстве:

Услыхала тут Маринка-та люта гроза,
Выходила она да на середку пол,
Как ведь стала со старушкой розговаривать:
«Я за то овернула твоего хресника,
Он застрелил у меня друга любимого».
Как ведь призвали Никитушку Романова,
А как стали его ище допрашивать:
«Ты за цё-де застрелил друга любимого?» [14. С. 226].

Добрыня был виновен не только в убийстве, пусть и «невольном» – за это ему грозил штраф (и изгнание), но и в порче имущества:

«Розбил ты у меня окно косявцето,
Убил ты у меня мила друга, [14. С. 229-231].

Итогом установления вины была «продажа» для возмещения ущерба, либо «выдача головой» потерпевшей:

Говорит-то тут Маринка таковы слова:
«Вчерась-то ты, Добрыня, не то творил,
Сегодня ты, Добрыня, в моих руках,
Во моих руках, Добрыня, под моей грозой...» [6. С. 44].

Последнее вероятно, если рассматривать его как княжеского холопа. Как результат, могло произойти превращение его в «Тура златорого», «скот» - деньги, процедура оскорбительная и позорная. Это частично отражено в былинае:

«Еще хошь ли ты, Маринка, я **синичкой** оберну?»
Еще тут же ей Маринка увзмолилася:...
...Ты не бей меня, Маринку по белу лицу»,
Уже на белое лицо **синивицы** пошли» [6. С. 47-48].

На примере «синицы» (которой можно стать благодаря «синивицам» - синякам [16. С. 355]), видно, что к волшебству эти фразы отношения не имеют. Это угрозы, завуалированное оскорбление, известное по Русской Правде – ночного вора могли убить «во пса место», («как собаку») – не стесняясь в выборе средств казни. «Клячей» могла стать любая женщина в случае адюльтера, «сорокой» - в случае венчания и т.д.

Обращение богатыря в тура - это катастрофа, самостоятельно освободиться он не может:

Безвестна, не стала богатыря
Молода Добрыни Никитьевича
В стольном городе во Киеве
А много де прошло поры, много времени,
А и не было Добрыни шесть месяцев [13. С. 56].

Когда герой дает знать о себе родне, в дело вступают новые фигуранты («послухи»). Появляется свидетель хвастовства Маринки о том, что Добрыня – десятый, она уже девять женихов «обратила в туров» (погубила), и сообщает об этом заинтересованной стороне (крестовой или родной сестре Добрыни, иногда бабушке / старушке-задворенке).

Эпизод с Добрыней в свете открывшихся обстоятельств выглядит уже иначе: он пострадал так же, как и девять богатырей (князей, женихов) до него. Это мошенничество: за одно преступление были осуждены (проданы) десять разных людей, что и составляло «хитрость» Маринки, которая «водилась с дитятами княженицкими», то есть была в сговоре с судебными исполнителями, заинтересованными в получении судебных пошлин, в максимальном количестве вир и продаж [7. С. 495].

Дальнейшее действие похоже на кабацкую драку: крестовая сестра Добрыни на пиру избила Маринку и потребовала вернуть брата. Наказания родственница богатыря не понесла, то есть была в своем праве, которое могло возникнуть только в ходе судебного поединка.

Ловушка сработала: Маринку с помощью Добрыни аккуратно вывели на заведомо более сильного противника: «Если [две] женщины приговорены к судебному поединку, то ни одна из них не может выставить вместо себя наемного бойца» [11. Ст. 11]. На то, что это ловушка, указывает характер родства – «сестра крестовая», родственница, появление которой в суде предугадать было невозможно, так как стать «крестовым братом» герой мог в любой момент.

Трудно сказать, как это соотносится с древнерусской практикой, но в псковской судной грамоте поединки между женщинами (поле) допускались, что позволяет предполагать наличие и более ранней практики таких поединков. Поединки между Русами, при несогласии с решением князя, упоминаются арабскими авторами.

А. А. Зимин, ссылаясь на Д. А. Хвольсона, привел свидетельство Абу-Али-Ахмеда бен-Омара ибн-Даста: «Когда кто из них имеет дело против другого, то зовет его на суд к царю, пред которым и препираются. Когда царь произнесет приговор, исполняется то, что он велит; если же обе стороны приговором царя недовольны, то по его приказанию должны предоставить окончательное решение оружию: чей меч острее, тот и одержит верх. На борьбу эту родственники (обеих тяжущихся сторон)» приходят вооруженными и становятся. Тогда соперники вступают в бой и победитель может требовать от побежденного, чего хочет» [24. С. 82].

Вероятно, «поле» было назначено из-за наличия свидетелей на свode у обеих сторон, что затрудняло следствие. Маринка проиграла и должна была вернуть Добрыню.

С точки зрения христианского (византийского) права, угрозы превратить ее в «клячу водовозную» следует воспринимать реально. Согласно Кормчей книге и сохранившемуся в ее составе Закону судному царя Константина: «Иже свободного украдет и продаст, или поработит, да поработится и сам, якоже и он свободного поработит, и в ту же работу да вступит» [2. С. 888]. Но в былине есть следы и языческого судопроизводства, относящиеся к процедуре права: когда речь идет об иницировании судебного разбирательства, в сюжете появляется печь, как необходимый для колдовства предмет: А как стала в печь клюкой поколачивать,

А сама из речей да выговаривать:
«Ох, воровка ты, Маринка, ведь лиха гроза!
Ты зачем ёвернула моего хресника [14. С. 225-226].

В том же контексте упоминаются «белодубовы» дрова:

Брала она следы горячие молодецкие,
Брала Марина **беремя дров**,
А беремя **дров белодубовых** [1. С. 55].

Процесс «присушивания» Маринки к Добрыне является частью инициации продолжения следствия по делу: загоритесь, **загоритесь дубовые дрова**,

«Разгорися, разболейся у Маришки ретиво сердце,
По братце моем, по Добрыне Никитьевиче» [1. С. 43].

Огонь был необходим для судебной присяги, ордалии в том или ином виде.

Аналогия есть у Ибн-Фадлана в отношении процедуры ежедневного обращения Хакан-бега к хазарскому кагану: «И он входит каждый день к великому хакану смиренно, проявляя униженность и серьезность (спокойствие), и он не входит к нему иначе как босым, держа в своей руке **дрова**, причем, когда приветствует его, он зажигает перед ним эти дрова» [12. С. 84]. Титул «Каган» использовался в отношении киевского князя на Руси и за ее пределами, например, для обозначения статуса Владимира I Святого. Это позволяет допустить, что часть хазарского церемониала была заимствована.

Окончание следствия казнию в былине также сопровождалось разжиганием огня, так как тело Маринки сожгли священники (или Добрыня):

Он срубил как-но Марины буйну голову,
Он сожѣг как на **дровах да на дубовых** [4. С. 540].

Действия Маринки: «обернулась сорокою», можно трактовать по-разному, возможно, это позднейшее привнесение, показывающее ее «ведьминское» обличье. Но, скорее всего, это намек на свадебный головной убор, поскольку она соглашается «отвернуть» Добрыню (превратить обратно в человека), только после того, как его крестная обещает «обернуть» ее сорокой.

Попытка Маринки уйти от ответственности с помощью брака была просчитана заранее. Для этого ей и подставили в качестве объекта преступления Добрыню (христианина), для которого брак «под ракитовым кустом» являлся грехом. Брак с язычницей изначально подлежал разводу:

«Ты возьми-ко си теперь за себя замуж»
- Не подобает-де взять – девка неверная,
- Ну неверная, да некрещеная. [4. С. 536].

Возникла коллизия:

«Я вечор братцы был женат не холост,
А нынечу я стал братцы холост, не женат» [3. С. 37].

Обычно употребляется понятие «холост», а не «вдов», что говорит об отсутствии брака. То есть женитьба была, а брака (законного) не было. Когда упоминается законный брак, что является исключением, герой заявляет:

«Я вчера-то был, да я женат ходил,
Сегодня я да как и вдов хожу» [4. С. 540].

Итог былинной интриги закономерен:

«Тут пошел великий суд,
Что ей сделать, девушке-Малиновке» [28. С. 169].

Муж имел право наказать жену: «Аще жена будет чародеица, наузница, или волхва, или зелейница, муж, доличив, казнит ю, а не лишится» [30. С. 89], развестись, по 6 «винам» [30. С. 204-207]. Наказывая «жену», которой она не могла считаться при отсутствии венчальной записи в церкви, Добрыня поступал с ней как княжеский судебный чиновник: с блудницей? (отрезая нос и губы), воровкой: «Ох, воровка ты, Маринка, ведь лиха гроза!» [14. С. 26] (отрубая руку), беглянкой? (отрубая ногу), клеветницей? (отрубая язык вместе с головой). Вариантов наказания в былине много, например: Всю он расстрелял из лука,

Розсек он распластал тело белое,
Всѣ-ли разметал по чисту полю [4. С. 369].

Все разновидности казни заключаются в нанесении увечий. Такие наказания в истории домонгольской Руси являются редкостью, кроме относительно короткого периода в правлении Владимира Святого, который «отверг виры» и стал казнить. Фраза летописи о том, что «умножились разбои» [9. Стб. 126], может быть истолкована по-разному. Возможно, «разбоем» церковь считала поступки, которые до христианизации таковыми не были. Действия князя логичны: поменяв веру, он начал приводить закон в соответствие с ней. Речь в данном случае идет не столько о смертной казни, сколько о нанесении увечий в соответствии с византийским правом.

«Шутки», которые позволяет себе Добрыня после обучения у князя Владимира, похожи на исполнение наказаний в отношении Маринки:

Отдавала его матушка грамоте учить
Ко хитрому мудрому мастеру князю,
Ко тому ли князю ко Владимиру.
Учил его князь три года и три месяца;

Как десятый годочек переступил,
Стал Добрыня на улицу ходить, хороводы заводить.
В хороводушках Добрынюшка стал он шуточки шутить,
Его шуточки были несносны и не примчивы:
Кого **за ногу возьмет – ногу выдернет**,
Кого **за руку возьмет – руку прочь он оторвет**,
Кого **в шеенку толкнет – голова сплечь долой** [5. С. 48].

Как упоминалось вначале, Добрыня: «Задумал **улицу вычищать** у Маринки злой безбожницы» [28. С. 165].

Итог сюжета: «Тогда поехал ко князю Владимиру: очистил улицу вовсе» [15. С. 217]. Иными словами богатырь не «хулиганил», не «шутки» шутил, а выполнял поручение в соответствии с излученной им «грамотой», по закону.

Картина службы и карьеры при дворе князя Владимира появилась в былинах, чтобы показать получение героем новой должности. Его «хулиганство» и деятельность по наказанию преступников можно рассматривать как очередную ступень прохождения придворной службы.

Напрашивается вывод, что «детское» «хулиганство» *первых* киевских богатырей не является случайным элементом былин и показывает достоверную информацию о социальной практике. Это не отменяет подражания первым киевским богатырям как типичного поведения «настоящих» богатырей. Но такое поведение изначально *было* функциональным и связано с профессиональной деятельностью («детскими» обязанностями по исполнению наказаний мечниками – «детьми»).

Вероятно, с этим связана забота князя о калеках и больных – их число резко увеличилось, что поставило под угрозу авторитет и доходы церкви, которая, несмотря на пожалованную князем десятину, экстренно потребовала возвращения к «устроению отню и дедню» [9. С. 127]. Однако казнь, как убийство путем нанесения увечий, практиковалась на Руси и до принятия христианства. Именно так Древляне поступили с князем Игорем. Илья Муромец или Вольга, «подбрасывали» врага «выше облака ходячего», чтобы «разбить в крохи»: Да тут стал ле Добрыня да на резвы ноги,

Да схватил он Маринку да за белы руки,
Да мѣтал он под вышину небѣсную –
Да сам ле ведь ей да не подхватывал [15. С. 214].

С Маринкой поступили как с разбойницей, пойманной на месте преступления и попавшей под горячую руку (фактически, четвертовали). В одном из вариантов Добрыня заканчивает казнь следующим образом:

Вывел он жеребчика неезжанного и нелѣгченного,
Привезал он Маринку за хвост –
Жеребец убежал и Маринку унёс [15. С. 216].

Смысл такой казни в том, что функцию палача выполняют деревья, разрывающие преступника, либо «кирпищет пол», о который преступник разбивается, либо конь, разбивающий всадника о землю. Действует принцип, запрещающий убийство ВИП-персон: «Царей не бьют, не казнят»:

Говорит тут Волх таково слово:
«А и вас-то царей, не бьют, не казнят!»
Ухвата его, ударил о кирпищатый пол,
Расшиб его в крохи... [10. С. 12].

Однако это не гарантирует от «случайностей», наподобие змеи в лошадином черепе, «смерти от коня», удара головой при прыжке через камень и т. д. Все это разновидности «несчастливого случая», при котором **исполнителей нет**:

Выходил Илья да из бела шатра,
Ухватил богатыря он за желты кудри,
Да он сшиб богатыря под облака
Да назад богатырь опускается,

Он на белые руки не подфатающе
Убился богатырь о сыру землю [4. С. 197-198].

Мстить за преступника конкретному лицу, в данной ситуации, невозможно.

В былине о Маринке показана публично-судебная процедура казни. Добрыня подробно объясняет приговор. В нем используется тот же принцип, что и в Эклоге – отсечение оскверненных частей тела.

С телом преступницы поступили как с «еретиками» XV–XVII вв. – сожгли. На «огни палящие» ее положили священники, что не указывает на христианство даже с учетом многолетней практики сожжения инакомыслящих и еретиков Московского периода, так как приговор приводили в исполнение светские власти. Даже если это было захоронение женщины-калеки, которая была под покровительством церкви, ее должны были похоронить в земле, а не сжечь.

Упомянутые «священники», скорее всего, были «огнищанами», «святость» которых связана с защитой Веры (закона). Костер – огнище согласно И. А. Срезневскому [17.] «Огнищный», означает «жертвенный»; упоминается специальный «огнищный тивун» или огнищанин, которого И. А. Срезневский полагал знатным, богатым человеком, «относящимся до огнища (дома)» [17. С. 603-604]. Тиун ассоциируется с огнем. И. А. Срезневский приводит пословицу: «Не держи села близ княжа села, тиун бо его, яко огнь, трепетицею накладен, рядовичи его – яко искры» [16. С. 962].

И. А. Срезневский считал огонь символом Сварога: «Огневи ся молят, зовя его Сварожичем» [17. С. 605], но понятие «свара» также означает «ссора», спор [16. С. 264-266]. Огонь - символ спора, отсюда такие понятия как «запальчивость», «вспыльчивость», «разжигание ненависти».

Тиун (тивун) [16. С. 962] представлен не только как слуга, доверенное лицо, но и как чиновник, должностное лицо для управления судом. В его подчинении детский (руководивший «детьми», то есть младшей дружиной) и мечник (судебный исполнитель-дружинник).

Огнищанин (огнищный тиун) исполнял функции надзора за исполнением законов, принимал жалобы и судебные иски, вел расследование в отсутствие князя.

Публично-символическое значение огня позволяет взглянуть на известные события под другим углом зрения: например, *огни*, через которые Батый заставлял пройти русских князей – не что иное, как *символ суда*. Признание законности суда равносильно признанию права судить, законности Власти Батыя над русскими князьями, чего Киевский князь, считавший это право своим, позволить себе не мог. Для остальных князей это было не столь критично – они и так были «подколенными», им не нужно было подчеркивать статус, которого автоматически лишался Киевский князь, становившийся всего лишь «одним из многих», а не «первым, среди равных».

Иносказательный компонент сюжета о Добрыне и Маринке также очень интересен. В ряде былин о «Маришкином дворе» Добрыня рассказывает Илью Муромца, причем рассказывает так, словно речь идет о каком-то призрачном месте, которого уже нет:

«Маришкина двора тебе вовек не сыскать:
 Маришкин двор середь Киева стоит,
 Середь Киева стоит, середь площади...
 ...На Маришкином дворе да два терема стоят,
 Да на тех теремах два голубя сидят,
 Целуются и милуются,
 Они сизыми крыльями обнимаются» [18. С. 80].

Цель прогулки Добрыни – стрельба по «голубям». Два голубя, о которых идет речь, могли находиться на иконе Сретения Господня (учитывая, что Добрыня стрелял по окну, это надвратная икона). Они могли быть на кресте купола церкви по аналогии с голубем, находящемся на кресте собора Святой Софии Новгородской, символизирующим Святого Духа. Возможно, это ранний вариант стрельбы из лука по «золоченым маковкам», известный по сюжету о бунте Ильи против князя (Илью в былине останавливает крестовый брат – Добрыня). В таком случае «Маришкин двор», где «люди пропадают», – церковь или монастырь. Поэтому князь запрещает Добрыне там «хулиганить» и не может навести порядок официально – место находится вне его юрисдикции.

Образ Маринки может иметь более древнее происхождение, чем образ Добрыни. «Женихи» в Киеве «пропадали», например, после смерти князя Игоря Старого, при содействии его вдовы, которая уделяла голубям немалое внимание. Она была христианкой и с точки зрения язычников могла считаться «безбожницей» (богов-идолов у православной быть не могло).

Особенно интересен функционально замещающий «крестовую сестру» Добрыни персонаж бабушки-заворенки и двух ее дочерей, напоминающий упомянутый Ибн-Фадланом статус «ангела смерти» [12. С. 82], и образ бабы-Яги русских сказок. Скорее всего реальные события эпохи христианизации были отражены с использованием элементов более древнего языческого сюжета, поскольку элементы социальной практики, которых сказитель наблюдать не мог и их функциональности не понимал, замещались ранними по аналогии.

Со временем значение терминов менялось. Возможно, старушка-заворенка (старица-заворница) появилась под влиянием калик, приспособивших былины к своим нуждам.

Таким образом, сюжет о Добрыне и Маринке появился в раннехристианскую эпоху Древней Руси, на рубеже X - XI вв. Это не означает, что на сюжет о Добрыне и Маринке не повлияла социальная и правовая практика последующего времени, но замысел сюжета относится именно к этому периоду. Общая направленность сюжета имеет сходство с другими в рамках общей идеи – «очищения» улиц, дорог, путей от разбоя.

В былинах эта идея является наиболее ранней. «Вера», которую защищают богатыри, в описываемое время – закон, а не религия. Функции, которые исполняют богатыри в ранний период, можно назвать судебно-правоохранительными, их роль в качестве защитников страны вторична, они действуют внутри общества, осуществляя дознание, задержание и наказание провинившихся перед законом как «неверных», пресекая разбой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киреевский П. В. Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860.
2. Кормчая, напечатанная с оригинала патриарха Иосифа. М., 1912.
3. Гильфердинг А. Ф. Онежские былины записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1 // Сб. отд. русского языка и словесности. СПб., 1894. Т. 59.
4. Гильфердинг А. Ф. Онежские былины записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3 // Сб. отд. русского языка и словесности. СПб., 1900. Т. 61.
5. Листопадов А. М. Донские былины. Ростов-н/Д., 1945.
6. Миллер В. Ф. Былины новой и недавней записи из разных местностей России. М., 1908.
7. Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950.
8. Полн. собр. рус. летописей (далее – ПСРЛ). Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.
9. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
10. Протп В. Я. Путилов Б. Н. Былины. М., 1958. Т. 1.
11. Псковская судная грамота: URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.htm
12. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939.
13. Сборник Кирши Данилова. М.; Л., 1958.
14. Свод Русского фольклора: в 25 т. Былины Т. 1. СПб., 2001.
15. Свод русского фольклора: в 25 т. Былины Т. 3. СПб., 2003.
16. Срезневский И. А. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. 3.
17. Срезневский И. А. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, СПб., 1902. Т. 2.
18. Тихонравов Н. С., Миллер В. Ф. Русские былины старой и новой записи. М., 1894.
19. Эклога: URL: <http://www.drevlit.ru/docs/visantia/VIII/720-740/ekloga/text.php>
20. Власова З. И. Скоморохи и Фольклор. СПб., 2001.
21. Григорьева А. Б. Межжанровые связи свадебной поэзии // Вестн. ЧелГУ. 2008. № 23.
22. Долгов В. В. Знаковая составляющая сексуальной культуры на Руси // Этнографич. обозр. 2009. № 2.
23. Казаков Г. М., Петров Н. В. Сюжетные функции перебранок в эпической поэзии (саги и былины) // Вестн. РГГУ. 2011. № 9.
24. Зимин А. А. Правда Русская. М., 1999.
25. Жуйкова М. В. Зачем Маринка сожгла следы Добрыни (заметки о происхождении любовной магии) // Антропологический форум. СПб., 2006.
26. Лестев А. В. Добрыня и Маринка. Выявление древнего мифа, лежащего в основе былины // Язык и текст langpsy.ru. 2014. № 2. URL: <http://langpsy.ru/journal/2014/2/Nurmuhmetov.phtml>.
27. Пузанов В. В. Государство и общество Древней Руси глазами современников (X – начало XII в.). Ижевск, 2012.
28. Смирнов Ю. И., Смолицкий В. Г. Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974.

29. Смирнов Ю. И. Былины. Указатель произведений в их вариантах, версиях и контаминациях. М., 2010.
30. Щапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.

Поступила в редакцию 10.12.16

S. V. Kozlovsky

**REFLECTION OF THE OLD RUSSIAN SOCIAL PRACTICE IN THE EPIC
“ON DOBRYNYA AND MARINKA”**

The article presents an interpretation of the story "On Dobrynya and Marinka," considers the problem of the chronology of epic stories, and analyzes the characteristics of the epic perception of the world. The study is based on an approach that allows a combination of the epic chronicle and social practices. The epic is seen not as a tale of witchcraft, but as a detective story which was an epic design, but has obvious traces of medieval social practices similar to those reflected in written sources. The bylina about Dobrynya and Marinka is viewed from a historical and legal point of view, which makes it possible, based on the characteristic short-term features of Old Russian legal practice, to date the creation of the epic to within decades (the turn of the Xth – XIth centuries.)

Keywords: epic, interpretation, social practices, historicism.

Козловский Степан Викторович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
отечественной истории, социологии и политологии
ФГБОУ ВО «Ижевская государственная
сельскохозяйственная академия»
426069, Россия, г. Ижевск, ул. Студенческая, 11
E-mail: svk7878@mail

Kozlovsky S. V.,
Candidate of History, Associate Professor at Department
of Russian History, Sociology and Political Science
Izhevsk State Agricultural Academy
Studencheskaya st., 11, Izhevsk, Russia, 426069
E-mail: svk7878@mail.ru